

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-433-442

УДК 821.161.1

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ В СБОРНИКЕ СТИХОВ РЮРИКА ИВНЕВА «СОЛНЦЕ ВО ГРОБЕ»

Г.Г. Исаев

Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, Астрахань, Россия, 414056

С авторологических позиций исследуется проблема автора в сборнике стихов Рюрика Ивнева «Солнце во гробе» (1921). Делается вывод о том, что можно выделить как минимум три авторские стратегии Рюрика Ивнева: первая, наименее очевидная, идущая от юношеского увлечения неоромантической поэзией С. Надсона, символизмом Ш. Бодлера, А. Блока и представляющая в сильно ослабленном виде, может быть названа декадентской; вторая определяется недавней принадлежностью поэта к эгофутуризму; третья формировалась под воздействием эстетики имажинизма, к которому поэт тяготел в момент создания сборника. Авторские стратегии Рюрика Ивнева спонтанно, а иногда осознанно были направлены на формирование литературного образа автора, отождествляемого с автобиографическим героем. Темы и мотивы книги концентрируются вокруг гипертрофированно экранированного в тексте «я», становящегося центром поэтического мировоззрения Рюрика Ивнева. Все стратегии сложно переплетены и рожают качество стиля, резко выделяющее «Солнце во гробе» на фоне русской поэзии 1920-х гг. и которое можно определить как сюрреализм.

Ключевые слова: имажинизм, авторские стратегии, декаданс, эгофутуризм, сюрреализм

Введение. Творчество Рюрика Ивнева первых послереволюционных лет до сих пор остается исследованным весьма поверхностно. Дело в том, что поэт в это время занимает часто весьма двусмысленную позицию, о чем свидетельствует его дневник, опубликованный в полном объеме лишь в 2012 г. Все осложняется его декадентской позицией в начале творческого пути, вхождением до революции в группу эгофутуристов, а затем — имажинистов, эстетическая программа которых разделялась им не в полном объеме. Его сугубо индивидуальный путь в литературе, художественные искания этих лет требуют особо тщательного прочтения. Естественно, что многие вопросы поэтики Рюрика Ивнева остались вне поля зрения авторитетных ученых. К ним, в частности, относится исследование проблемы автора в стихах имажинистского периода. Цель данной статьи — рассмотрение с авторологических позиций авторских стратегий в поэзии Рюрика Ивнева начала 1920-х гг., которые в сборнике «Солнце во гробе» включают: «выбор предмета эстетического усвоения и его видение, структуру творческого акта, принципы формообразования и коммуникации» [5. С. 15].

В сборнике «Солнце во гробе», никогда не публиковавшемся после 1921 г., можно выделить как минимум три авторские стратегии Рюрика Ивнева.

Декадентские тенденции, идущие из раннего творчества, давали о себе знать в разработке ряда присущих Рюрику Ивневу мотивов. Это стремление почувствовать Бога и постигнуть его неисповедимую волю во всех явлениях; стремление подняться за пределы тела, за «границы» земли, куда-то на небо, то в бесконечность, то просто в даль, в простор и т.д.; жалобы на то, что туда очень трудно подняться; прославление фантазии, одиночества, смерти, противопоставление своего «я» социуму; воспевание «грешной» любви.

Послереволюционная действительность в стихах поэта таинственна, иррациональна. Она противостоит разуму и личной свободе человека, является сферой разочарований. Центральным объектом поэзии Рюрика Ивнева становится духовная жизнь лирического героя. Культ неповторимо-индивидуального в человеке, исключительного в обществе характерен для концепции мира и личности Рюрика Ивнева. Разлад мечты и обыденности порождает двоемирие. Поэзия Рюрика Ивнева метафорична, ассоциативна, многозначна и тяготеет к синтезу или взаимодействию жанров, а также к соединению с экзистенциалистской философией и христианской религией. Лирический герой, имеющий особые отношения со смертью и всем, что обречено на гибель, заявляет о своей любви к ним и просит Бога помиловать людей, вовлеченных в безумие революционных страстей:

Святы́й Боже, Святы́й Крепкий,
Святы́й Бессмертный,
Помилуй нас [2].

Для художественного мышления Рюрика Ивнева характерны ирония, самоирония, гротеск, фантастика. Раскрывая состояние духа героя, поэт отразил важные стороны состояния мира. Герой вырван из привычной, обыденной жизни и поставлен в чрезвычайные обстоятельства, в которых раскрывается сила и слабость его духа. Он неповторимая, одинокая личность, не принимающая послереволюционной действительности.

Произведения Рюрика Ивнева становятся лирическим самовыражением чувств и передают состояние мира не как конкретные общие обстоятельства, а как состояние духа. Другими словами, драматическое и трагическое состояние России и есть душа героя. Рюрик Ивнев утверждает извечную неустроенность России и считает, что в самой природе русского человека заложены неразрешимые противоречия. Смысл жизни героя Рюрик Ивнев видит в страдании и в бесконечных поисках путей к Богу и себе.

Таким образом, авторская стратегия Рюрика Ивнева частично определялась традициями позднего романтизма и символизма (декаданса) с их мотивами «невозможности овладения высшими ценностями и агрессивности внешнего мира» [5. С. 40]. Автор, продукт измененного сознания, предстает как медитирующий субъект, погруженный в «невыразимое». Как отметила Е. Тырышкина, «основной принцип...сводится к декларированию приоритета творческого субъекта над объективной реальностью. Субъект пытается максимально редуцировать объект (внешний мир). Эти отношения и определяют картину мира и систему ценностей, а также креативную стратегию, где по-своему специфичны и генерирование твор-

ческой энергии, и структура самого творческого акта, принципы формообразования, моделирование адресата. При этом все метафизические категории подменены эстетическими» [5. С. 20].

Вторая стратегия. Формировалась в тесной связи с первой как следствие контактов поэта с эгофутуризмом (вхождение в состав группы «Мезонин поэзии» в 1910-х гг.), что отразилось в его первых сборниках. Наибольшее значение для Рюрика Ивнева имели те положения эстетической программы эгофутуристов, которые были сформулированы И. Северяниным: «1. Душа — единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5 Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со стереотипами и «заставками», разнообразие метров» [4. С. 36]. Особое значение для Рюрика Ивнева имела идея эгоцентрической личности поэта, уподобляемой вселенной. В стихах книги в соответствии с этим торжествует принцип: все, что лирический герой думает и говорит, — это проекция реальности послереволюционной России. В стихотворении 1918 г., посвященном Григорию Колобову, это обозначено предельно четко:

Сквозь мутные стекла вагона
На мутную Русь гляжу
И в сердце своем обнаженном
Всю русскую муть нахожу.

Особенно будоражит лирического героя Рюрика Ивнева спонтанный отказ от Бога:

И я отравлен жалом свободы,
Чума запахнулась в мои уста.
Как государства и как народы
Я отвернулся от креста.

В последних двух строчках — фиксация позиции новой власти по отношению к христианству и прямая угроза в адрес сохраняющих веру. Обращает на себя внимание набор концептов, который способствует возникновению негативного образа свободы — «жало свободы», «чума», «мертвый холод», «голоден и наг», «пойманная мышь». Контекст пронизан мотивами угрозы и смерти.

Как известно, в футуризме «преобладала стратегия экспансии, экстенсивного захвата смежных полей», «стратегия преступления и всех и всяческих граней», «футуризм актуализирует периферийное и маргинальное как наиболее динамическую часть системы» [1. С. 154]. По этому пути шел и Рюрик Ивнев, ориентировавшийся на воссоздание всего экстремального и прежде всего религиозно-эротического мазохизма с привкусом некромании. В лирике «Солнца во гробе» сильна традиция любовной лирики, однако переосмысленная в духе психоанализа и образов подсознания («Так вот она — смертельная любовь...», «Так сладко слушать и больно / Тугие шаги убийц...», «Не надо солнца, не надо свободы...», «Канатной плясуньей плясала...» и др.):

Любовь, любовь, так вот она какая —
Безжалостная, темная, слепая.

Я на нее гляжу, как на топор,
Который смотрит на меня в упор.

И вижу кровь и слышу запах душный
Безумью лишь, да ужасу послушный.

Развивая идеи эгофутуризма, Рюрик Ивнев идет «до экстериоризации эмоциональных и физиологических состояний субъекта как единственной истинной реальности и изначальной трансценденции. Авторская стратегия определяется стремлением к максимально свободному самовыражению, претензией на то, чтобы «представлять собой и единственную реальность, и источник вдохновения, и материал для преобразований, и форму» [5. С. 59].

Авторская стратегия периода имагинизма. В творчестве Рюрика Ивнева несколько условно исследователями выделяется с 1918 по 1925 г. имагинистский период, отмеченный формальным вхождением в группу имагинистов, дружескими отношениями с ведущими имагинистами (С. Есениным, А. Мариенгофом, В. Шершеневичем, А. Кусиковым), участием в ряде мероприятий группы, публикациями произведений на страницах имагинистского журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном». «Внешняя» сторона отношений Рюрика Ивнева с имагинизмом хорошо известна. Сложнее с рассмотрением глубинного взаимодействия поэта с эстетической программой группы.

Эстетическая концепция имагинизма опиралась на принципиальный антиэстетизм с установкой на отталкивающие и провоцирующие образы, аморализм и цинизм как философскую систему. По сути, в этом ничего нового для Рюрика Ивнева не было. Все это достаточно ярко и последовательно нашло воплощение в ранних стихах поэта (сборники «Самосожжение», «Золото смерти», «Пламя пышет»), лирический герой которых носит самые разные эстетствующие маски: возмущенного демократа, жеманного денди, скомороха в колпаке, «униженного и оскорбленного»:

Ртом жадным и мерзлым
Унижений горячую влагу пью.
Губы раскрыв, как последние козыри,
Душу мученичеству отдаю.

Целью творчества, считали теоретики имагинизма, в этом они перекликались с нарождающимся сюрреализмом, является создание сильного образа, а основным выразительным средством для его передачи объявлялась метафора. Образ как прием художественного творчества широко использовался Рюриком Ивневым и прежде.

Известно, что стихи для книги «Солнце во гробе» были отобраны С. Есениным, с которым Рюрика Ивнева к этому времени связывала крепкая дружба. В сборнике развивались темы, характерные для его ранней поэзии, но под влиянием программы имагинизма они получают утрированное воплощение. Сборник стихов «Солнце во гробе» имеет в своем составе 25 стихотворений, в которых развиваются такие темы, как стремление к Богу и отказ от него, тяга к смерти, страдания, боль, угрызения совести, безумие, кровь, Иисус Христос, распятие. Смерть,

ужас доминируют в стихотворениях Рюрика Ивнева, начинают звучать апокалиптические ноты:

Я разлагаюсь медленно и глухо.
И в тонких пальцах розовой зари
Ловлю уже оземляневшим ухом
Хруст пальцев опозоренной Марии.

Многое в авторских стратегиях Рюрика Ивнева помогает понять сопоставление «Солнца во гробе» с дневником поэта этих лет, в котором «я» раскрывается предельно откровенно: «Во мне не два человека, а несколько. Один страшнее другого, гаже другого, но есть кто-то, кто-то еще («лишний»), который все видит, все знает и горюет, за все гадости и мерзости этих «нескольких» людей. Боже! Как боязно даже всматриваться в эти страшные лица, хочется невольно обманывать себя «всякими обманами», но с каждым днем это делается труднее, труднее...» [3. С. 313] «Я злой, злой и подлый — и нечего притворяться добрым. Надо быть злым до конца. Гадость! Гадость! Стыдно и больно. Ну что ж делать, таким уродился» [3. С. 316]. Выход из сложившейся ситуации Рюрик Ивнев видит в уходе в монастырь: «Я знаю, что скоро я откажусь от всех «благ» жизни и поступлю в монастырь» [3. С. 400]. Авторские стратегии периода имажинизма характеризуются «разрушением традиционных законов, правил и принципов искусства, поисками нового творческого видения, отказом от реальности как материала для произведения искусства, от предметности и рискованное обращение к непонятным образам» [5. С. 59—60]. Рюрик Ивнев имеет дело не с реальностью как объективной данности природы и культуры, а с субъективным измененным сознанием как единственной и истинной реальностью (вдохновение-одержимость, безумие и др.). Нередко она приравнивается к реальности сознания субъекта в момент потока вдохновения. Внешний мира предстает в непривычном ракурсе особого видения автора: «Мир сквозь призму моего взгляда». «Поэт отражает не предметную данность этого мира, а его инобытие, которое есть хаос изменений, чистая энергия, всеобщая слитность или иное расположение границ» [5. С. 60]. Происходит «эмансипация субъекта от объекта (внешнего мира) с переходом к полному доминированию субъекта» [5. С. 60]. Субъект может присоединяться к объекту как положительной энергии изменений, но главным источником трансцендентного он считает себя. При этом трансцендентное проявляется в авторской телесности.

Записи 1918—1925 гг. свидетельствуют, что его умонастроение по сравнению с дореволюционным периодом почти не изменилось, сохраняется верность экзистенциальным взглядам, сформировавшимся до революции под воздействием философии Л. Шестова. В рамках имажинизма Рюрик Ивнев самый экзистенциальный художник. «Экзистенция» понимается им как независимое существование индивида, его внутренняя субъективная жизнь. Герой поэзии изолируется от внешних процессов и превращается в «субъективного» мыслителя, занятого изучением самого себя. Оправдание тому — человек не может быть «научно» познать, познать его или себя может только художник.

О народе в дневнике сделана запись: «Все-таки, что бы ни происходило в государстве (какие бы свободы ни процветали), человек останется человеком (т.е.

такой же гадиной) и ничего не изменится в человеческом обществе, пока человек не переродится в какое-нибудь иное существо... Мы в «водовороте» этого процесса, некоторые из нас «краешком души» уже вступили в новую плоскость. Только краешком души, а ведь многие даже точечкой своего «я» не прикасались к этой плоскости... И ох, как долго ждать еще «полного перерождения». А пока — гадушки, зверюги, еще страшнее «настоящих» зверюг, потому что те, по крайней мере, без «маскарада», «без масок», а прямо так, как есть» [3. С. 321].

В том же духе выдержана запись о революции: «Боже мой! Как мне все глубоко омерзительно! Вокруг такая же гадость, как была раньше, пьянство, грубость, пошлость, звериный эгоизм» [3. С. 399]. «Удивительно, до чего мы озверели. Об убийстве людей говорим, как прежде говорили о собаках, кошках, зайцах. Но еще удивительнее, что наряду с чувством негодования (чисто отвлеченного) у меня сладко замирает сердце, меня тянет к таким же людям. И толстовцы мне становятся противны» [3. С. 398]. «Если подумать — какой ужас скрыт в милитаризме, под каким бы флагом он ни утверждался, коммунистическим ли или черносотенным» [3. С. 399].

В стихах Рюрика Ивнева доминируют боль и смятение от происходящего. Его творчество начала 1920-х гг. демонстрирует разочарование и внутреннее неприятие того, что случилось в стране:

Как все пустынно. Пламенная медь.
Тугих колоколов язвительное жало.
Как мне хотелось бы внезапно умереть,
Как Анненский у Царскосельского вокзала.

В «Дневнике» Рюрик Ивнев, варьируя стратегию имажинизма и, делая шаг в сторону сюрреализма, обозначает основной принцип изображения человека и событий гражданской войны: «Я говорю про себя много гадостей, т.е. говорю правду, обнажая свою душу перед всеми, а ведь большинство вгоняет в себя, внутрь всю мерзость душевную. Боже мой, если заглянуть к ним глубоко в сердце, — вот гнойник откроется взору. Ужас! Ужас! Вонь и ужас! (...) Единственный путь — обнажение души. Бесстыдное обнажение... Люди ужасны, люди ужасны, и чем более они скрытничают, тем гаже [3. С. 402].

Нередко, обращаясь к Богу, лирический субъект на него возлагает ответственность за все, что с ним происходит:

Я задыхаюсь.
Где-то воздух, воля,
Кузнечики молитвенно звенят.
За что, за что, как зверя в чистом поле,
За что, за что ты затравил меня?

В стихотворении, носящем программный характер, воссоздается образ потерявшей рассудок страны и ее грешной души, утратившей самое главное — связь с Богом:

По изрытым как оспа дорогам
Судорожно мечется

Душа — проклятая, оставленная Богом,
Еще теплая от ласк вечера.

Для лирического героя примечательна тяга к смерти, которая окрашена в гомозротические тона:

Улыбнулся улыбкой мертвецкой
На пьяную шутку убийцы.
О, Боже, Боже, как сладок запах крови.
И я душой прокаженной этот запах ловлю.

Любовь в стихах сборника всегда кровавая и грязная. Это преступная, «позорная, жалкая любовь», как в стихотворении, посвященном А. Мариенгофу:

Короткого, горького счастья всплеск,
Скрип эшафота.
Пьяных и жестких глаз воровской блеск,
Запах крови и пота.

Что ж ты не душишь меня,
Медлишь напрасно?
Может быть Судного дня
Ждешь ты, о друг мой несчастный?

Горек и страшен плод
Нашей недолгой любви.
Песня, что бритва. Весь рот
От этих песен в крови.

Авторская стратегия Рюрика Ивнева несла в себе лишь некоторые черты имажинизма: утверждение его художественной концепции — человек образно видит реальность многокрасочного и трагического мира, в центре — одинокая, затерянная в многолюдном городе личность. В области стиля — противостояние «романтическим красотостям», изощренное в духе сюрреализма эмоциональное восприятие мира, язык поэзии — обычный повседневный с вкраплениями вульгаризмов; полная свобода в выборе тем.

Поэтическая продукция Рюрика Ивнева этого периода отмечена печатью своеобразной двусмысленности, противоречивости. В ней преобладает мрачный колорит. Имажинистский натурализм приобретает в гротескные черты.

В стихах сборника Рюрик Ивнев явно проникается сюрреалистическим духом с его приматом иррационального. Это не исторический сюрреализм, организационно оформившийся в ряде стран Европы XX в., а именно сюрреалистический дух, примеры которого можно найти еще в средневековой литературе. В основе сюрреалистической стратегии Рюрика Ивнева в сборнике «Солнце во гробе», как и в имажинизме, изображение смятенного человека в жестоком, таинственном и непознаваемом мире, отказ от господства разума и власти рационального, интерес к проблемам бессознательного, отказ от описания повседневности, приоритет непосредственного переживания, пересмотр категории авторства, переосмысление самой фигуры автора. Это перекликается со стремлением эгофутуристов

вывести произведение за рамки личности автора, расширить его границы. Поэт становится субъектом-объектом, единством души и наличной реальности.

Очень часто в своих стихах Рюрик Ивнев пытается выразить функционирование мысли, поток мыслей вне всякого контроля сознания, давления идеологических и прочих побуждений. На первом плане в стихотворениях поэта такие иррациональные состояния, как одержимость, лихорадка, безумная любовь. Они стали метафорами всего творчества и главными темами конкретных произведений. В стихах сборника наблюдается ослабление роли рифмы, а основой становится «ошеломляющий образ», близкое к барочной метафоре необычное «сближение удаленных друг от друга объектов». В стихах поэта нередко доминируют произвольно-капризные ассоциации и причудливые сравнения. Творец, согласно доктрине имажинизма и сюрреализма, вправе не считаться с реальностью. Стихотворение — мир, внутри которого поэт — бог-творец.

Поэтика «Солнца во гробе» базируется на гипертрофированной метафоричности, которая абсолютизируется. Интуитивность, сближение несопоставимого, ассоциативность, погружение в фантазию становится ведущим творческим принципом поэта. Метафора является не средством познания мира, а способом его затемнения, придания ему загадочности и таинственности. Его поэтике присуще ирреальное сочетание натуралистически достоверных подробностей с фантастически невероятными видениями:

Ртом жадным и мерзлым
Унижений горячую влагу пью.
Губы раскрыв, как последние козыри,
Душу мученичеству отдаю.

Безумные образы Рюрика Ивнева можно объяснить безумием мира периода гражданской войны и патологическим состоянием сознания поэта («Видишь, в божьем огне / Тело мое не горит»; «Как сожженным огнем свои / Не сгорая дотла горю»; «Синевою губ перекошенных/ Целую смерть в золотых очках»).

Заключение. Таким образом, авторские стратегии Рюрика Ивнева в сборнике «Солнце во гробе» спонтанно, а иногда осознанно были направлены на формирование литературного образа автора, отождествляемого с лирическим героем и автобиографическим героем дневника. Темы и мотивы книги концентрируются вокруг гипертрофированно экранированного в тексте «я», становящегося центром поэтического мировоззрения Рюрика Ивнева. В стихах книги наблюдается полный отказ от категорий возвышенного и прекрасного, зато максимально широко используются категории безобразного и низменного. Авторские стратегии сложно переплетены и рожают качество стиля, резко выделяющее «Солнце во гробе» на фоне русской поэзии 1920-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Иванюшина И.Ю.* Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика: монография. Саратов: СГУ, 2003. 310 с.
- [2] *Рюрик Ивнев.* Солнце во гробе. М.: Имажинисты, 1921. Без пагинации. Далее тексты сборника цитируются по данному изданию.

- [3] *Рюрик Ивнев*. Дневник. 1906—1980. М.: Эллис Лак. 2012. 880 с.
[4] *Северянин И.* Собр. соч.: в 5 т. / Подготовка текста и комментарии В.А. Кошелева. Т. 5. СПб.: Logos, 1996. 430 с.
[5] *Тырышкина Е.В.* Русская литература 1890-х — начала 1920-х годов: от декаданса к авангардизму. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. 151 с.

© Исаев Г.Г., 2017

История статьи

Дата поступления в редакцию: 15 апреля 2017

Дата принятия к печати: 6 мая 2017

Для цитирования:

Исаев Г.Г. Авторские стратегии в сборнике стихов Рюрика Ивнева «Солнце во гробе» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 3. С. 433—442. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-433-442

Сведения об авторе:

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Астраханского государственного университета. *Контактная информация*: e-mail: kafruslit@mail.ru

AUTHOR STRATEGIES IN RYURIK IVNEV'S "SUN IN THE COFFIN". BOOK OF POEMS

G.G. Isaev

Astrakhan State University
Tatischev str., 20a, Astrakhan, Russia, 414056

The author's problem in Ryurik Ivnev's 'The Sun in the Coffin' (1921) is studied from the author's perspectives. It is concluded that at least three Ryurik Ivnev's strategies as an author can be distinguished: the first, the least obvious, coming from his youthful excitement about Nadson's neo-romantic poetry, Baudelaire's and Blok's symbolism and appearing in a very weakened form, can be called a decadent one. The second strategy is determined by the poet's recent belonging to egofuturism. The third one was formed under the influence of imaginism aesthetics, to which the poet was attracted when writing the book. Ryurik Ivnev's strategies, spontaneously but sometimes consciously, were aimed at forming the literary image of the author, identified with the persona. The themes and motives of the book are concentrated around the hypertrophic and screened in the text «I» which becomes the center of Ryurik Ivnev's poetic worldview. All the strategies are intricately intertwined and give rise to the quality of the style that distinguishes sharply 'The Sun in the Coffin' against the background of the Russian poetry of the 1920s and which can be referred to as surrealism.

Key words: imaginism, author's strategies, decadence, egofuturism, surrealism

REFERENCES

- [1] Ivanjushina I.Yu. Russkij futurizm: ideologija, pojetika, pragmatika: monografija [Russian futurism: ideology, poetics, pragmatics]. Saratov: SGU, 2003. 310 p.
- [2] Rjurik Ivnev. Solnce vo grobe [The sun in Coffin]. M.: Imazhinisty, 1921. Bes paginacii. Dalee tekst sbornika citirujutsja po dannomu izdaniju.
- [3] Rjurik Ivnev. Dnevnik [Diary]. 1906—1980. M.: ELLIS LAK, 2012. 880 p.
- [4] Severjanin I. Sobr.soch.: v 5 t. [Collected works in 5 volumes]. Podgotovka teksta i komment: V.A. Kosheleva. T. 5. SPb.: LOGOS, 1996. 430 p.
- [5] Tyryshkina E.V. Russkaja literatura 1890-h — nachala 1920-h godov: ot dekadansa k avangardizmu [Russian Literature of 1890—1920-th: from decadence to vanguard]. Novosibirsk: Isd-vo NGPU, 2002. 151 p.

Article history:

Received: 15 April 2017

Revised: 20 April 2017

Accepted: 6 May

For citation:

Isaev G.G. (2017) Author Strategies in Ryurik Ivnev's "The Sun in the Coffin". Book of Poems. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 433—442. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-433-442

Bio Note:

Isaev Gennadii Grigoryevich, Doctor of Philology, professor, head of the Department of Russian Literature, Astrakhan State University. *Contacts*: e-mail: kafruslit@mail.ru